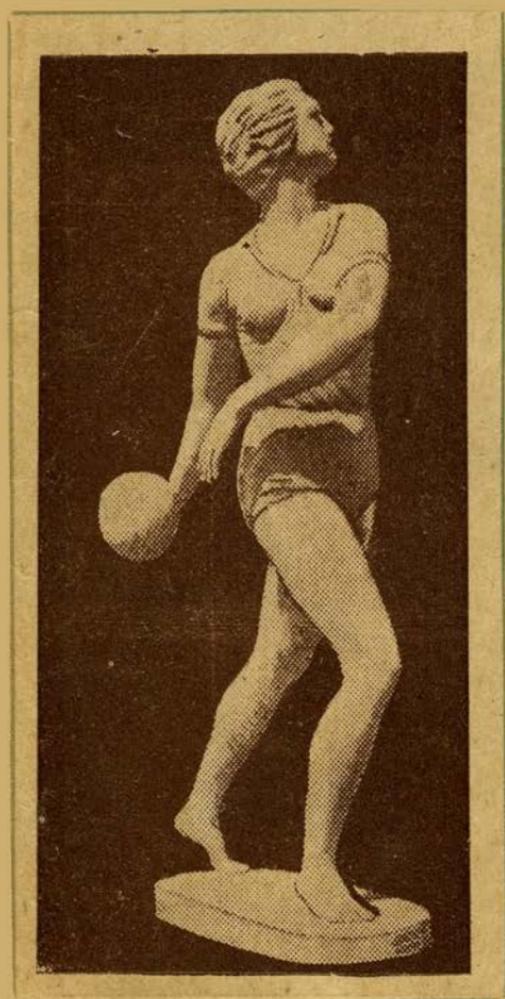

ПЕСНИ

ВОРОШИЛОВГРАДА

КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

Шифр СВ 128 Інв. № 1208282

Автор _____

Назва Песня Ворошилов -
Града

Місце, рік видання Ворошиловград 1939

Кіл-ть стор. 68с

- " - окр. листів _____

- " - Ілюстрацій 11

- " - карт _____

- " - схем _____

Том _____ частина _____ вип. _____

Конвольт _____

Примітка: на Тит. арх. штамп
"Госбиблиотека ГСР"
Документ перевірено у 2004р
Лист А Підпис ОУ

11.07.07

НА ОБ'ЄКТЕ: "Девушка с мячом". Скульптура в Парке культуры и отдыха имени Горького.

1728

ПЕСНИ ВОРОШИЛОВГРАДА

~~ГОСБИБЛИОТЕКА ТССР
И Н В. № 123456789~~

1208282

Государственная
Библиотечная система
им. А. М. Горького
г. Ленинград

4

V TO

**Книга издана
ко „Дню обороны Луганска“**

**И з д а н и е
„Ворошиловградской
правды“.**

Ответственный редактор *Х. Затучный.*
Технический редактор *В. Локотков.*
Выпускающий *М. Бондаренко.*
Художественное оформление *И. Розуля.*
Фото *Б. Фунса.*
Метронпажи: *В. Иванов.*
В. Федоров.

Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

Серебряная доска с выгравированной надписью «Луганскому пролетариату в борьбе за октябрь. ВУЦИК». К доске прикреплен орден Красного Знамени, которым награжден Ворошиловград. (Хранится в Ворошиловградском музее революции)

ПЕСНИ И ЧАСТУШКИ О ВОРОШИЛОВГРАДЕ *)

I

*) Записано студентами литературного факультета Донецкого Педагогического Института.

Песня бронепоезда Ворошилова

ВЕТРЫ буйные бушуют,
Тучи грозные плывут.
Ворошиловцы ликуют,
В бой последний все идут.

Ворошиловцы все знают,
За кого они идут.
За свободу умирают,
Жизнь за правду отдают.

Мы идем за идеалы
Пролетария всех стран.
Пусть погибнут капиталы,
Пусть погибнет злой тиран.

Мы в боях, быть может, сляжем,
Смертью, прахом предадут,
Но в предсмертье все же скажем:
Имена, ведь, не умрут.

Эта песня была сложена бойцами бронепоезда
имени Ворошилова в 1919 году.

Красная площадь.

Г е р о и

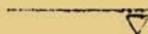

Иди, мой сын. Я патронташ пошила,
А в сумке—хлеб, перчатки и носки,
Пусть тебя товарищ Ворошилов
Возьмет в свои рабочие полки.

Расскажешь Климу: покидая рудник,
Тебя в бой благословила мать.
И если вам на фронте будет трудно,
Зовите нас—мы будем помогать.

Мы знаем жизнь землянок и барачков...
Тяжелый хлеб (как нищему куски),
А если мы потребуемся в драке—
Хозяйский счет оплатят старики.

Иди, мой сын. Я патронташ пошила,
Бандитский коршун кружит у копра...
Дерись с врагом, как Климент Ворошилов.
Махорка здесь. Ну, прощевай... Пока.

Партизанская песня

СПОМНИМ, братцы, мы, донбассцы,
Двадцать первое сентября,
Как дралися мы с поляком
И с рассвета до поздна.

Как дралися мы с поляком
И с рассвета до поздна.
С нами музыка играла,
Барабаны громко бьют.

С нами музыка играла,
Барабаны громко бьют.
Сигналисты заиграли,
Вынуть шашки наголо!

Сигналисты заиграли,
Вынуть шашки наголо.
Шашки быстро засверкали,
Мы в атаку понеслись.

Шашки быстро засверкали,
Мы в атаку понеслись...
Командир был не трусливый
Шел всегда он впереди.

Командир был не трусливый
Шел всегда он впереди.
Получил большую рану
От поляков на груди.

Получил большую рану
От поляков на груди.
Эй, вы, хлопцы, донбассовцы,
Не оставьте вы меня.

Эй, вы, хлопцы, донбассовцы,
Не оставьте вы меня.
Жить я буду, не забуду,
Красным знаменем награжу.

* * *

Как коршуны злые терзают добычу,
Пронзенное сердце клюют,
Так белые банды терзают станицу,
Кровавые реки текут.

И лютые звери не знали пощады,
Мученьям не было конца,
И сын погибал пред очами родимой,
А дочь—на глазах у отца.

Проклятых тех дней никогда не забуду,
Никак по гроб жизни моей.
Своими глазами я видел расправу,
Живыми сжигали людей.

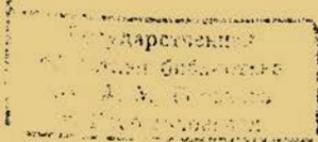
Ах, сколько погибло, погибло напрасно
Под пулей, в петле, под ножом.
Ах, сколько осталось сестер разнещасных,
И сколь опозоренных жен.

1208282
Стонали станицы, стонали деревни,
Ждали избавленья свою.
Но где ж избавитель? Чево не приходит?
Когда ж мы дождемся ево?

1208282
И он услышал этот стон всенародный,
Плач жен и сестер, матерей,
И кровь закипела в груди у героя,
Он кликнул призыв: „На коней!“.

Могучий орел свои крылья расправил—
Буденный—степной богатырь,
И клич его ветер разнес по отчизне,
По родине всей, вдоль и вширь.

Из каждой станицы, из каждой деревни,
Как вешние воды текли,
Стекались к Семену, стекались к герою
Все честные люди земли.

И клятву великую родине дали
Отважные эти сыны,—
Чтоб нивы и хаты, облитые кровью,
Были-б от врагов спасены.

Клялись сокрушить вражью силу несметну,
Иль смертью геройскую пасть,
В сраженьях стоять до последнего вдоха
За нашу советскую власть.

Ах, трудно, ах, трудно мне петь про те годы,
Сжимается сердце в груди.
Кадетские орды бесчисленны были—
Попробуй разбей, победи!

Спросите Царицын, спросите Украину,
Спроси Перекоп или Дон,
С какою отвагой, с каким же геройством
За родину бился Семен.

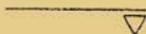
По целым неделям с коней не слезали,
Сражались по нескольку дней.
Последний сухарь от себя отрывали,
Чтоб силы сберечь у коней.

И часто встречали врагов эскадроны
С десятком патронов на ружье,
Но сердце не дрогло, и крепко стояли
За правое дело свое.

Товарищ Буденный—орел легкокрылый,
Он первым летал на врага.
И в правой руке его гибкая сабля,
А в левой держал он наган.

Пример его был самым лучшим приказом
Кто ж мог от Семена отстать?
Бесстрашно буденновцы с гиком врезались
В громадную вражью рать.

И клятву герои свою оправдали,
Хоть много их сгибло в бою.
Чтоб помнили внуки живых и погибших,
Для них эту песню пою.

Частушки о гражданской войне

ЗАИГРАЙ, играй, гармошка,
Про гражданскую войну;
Как мы били белых гадов
На Украине и Дону.

Бела гидра вся собралась
На Кубани и Дону.
И помчались быстрой лавой
Вдруг на Красную Москву.

Долетела до Орла,
А назад уж как драла...
Красна армия свободно,
Без препятствий все брала.

Шкуро на Дон удирал—
Попытка бесполезная.
А за ним следом гналась
Конная железная.

Приуныли белые,
Назад воротили,
А наш бравый батька Ковтюх
Шей своротил им.

Генералы, генералы,
гнали вы нас танками,
А как мы вот вас погнали
Не догонишь санками.

Удирают генералы
К морю, что есть духу,
Бо товарищ Ворошилов
Вдарил их по уху.

С козарою под Ростовом
Мы в кровавой схватке
Показали, что у нас
Очень остры шашки.

Под Ростовом шкуровцы
Вдруг подняли крики,
А мы в горло им тотчас
Застромили пйки.

Проходили по Донбассу
Красные полчища,
Чтоб Донбасс от белых гадов
Вновь очистить чище

Наш Михайлыч молодец,
Издавна герой он,
Потому что командарм
Армии он конной.

Ворошилов и Буденный—
Командармы славные,
Потому и сколотили
Армии ударные.

Наши красные бойцы
Больно очень черствые,
Потому то й белые
Удирали верстами.

Бела гидра под Ростовом
Штыки ошетишила...
Наша вдарная пехота
Их быстро опрокинула.

Ворошиловская

ШОЛНОЧЬ наступает,
Луна горит свечой.
Отряд наш выступает
Итти в последний бой.

П р и п е в.

Горы—вершины,—
Мы вас перейдем.
Буржуев стало мало—
Последних перебьем.

Шли мы тихим строем,
Подходили к горам,
Где нэпманские рожи
Показывались нам.

П р и п е в.

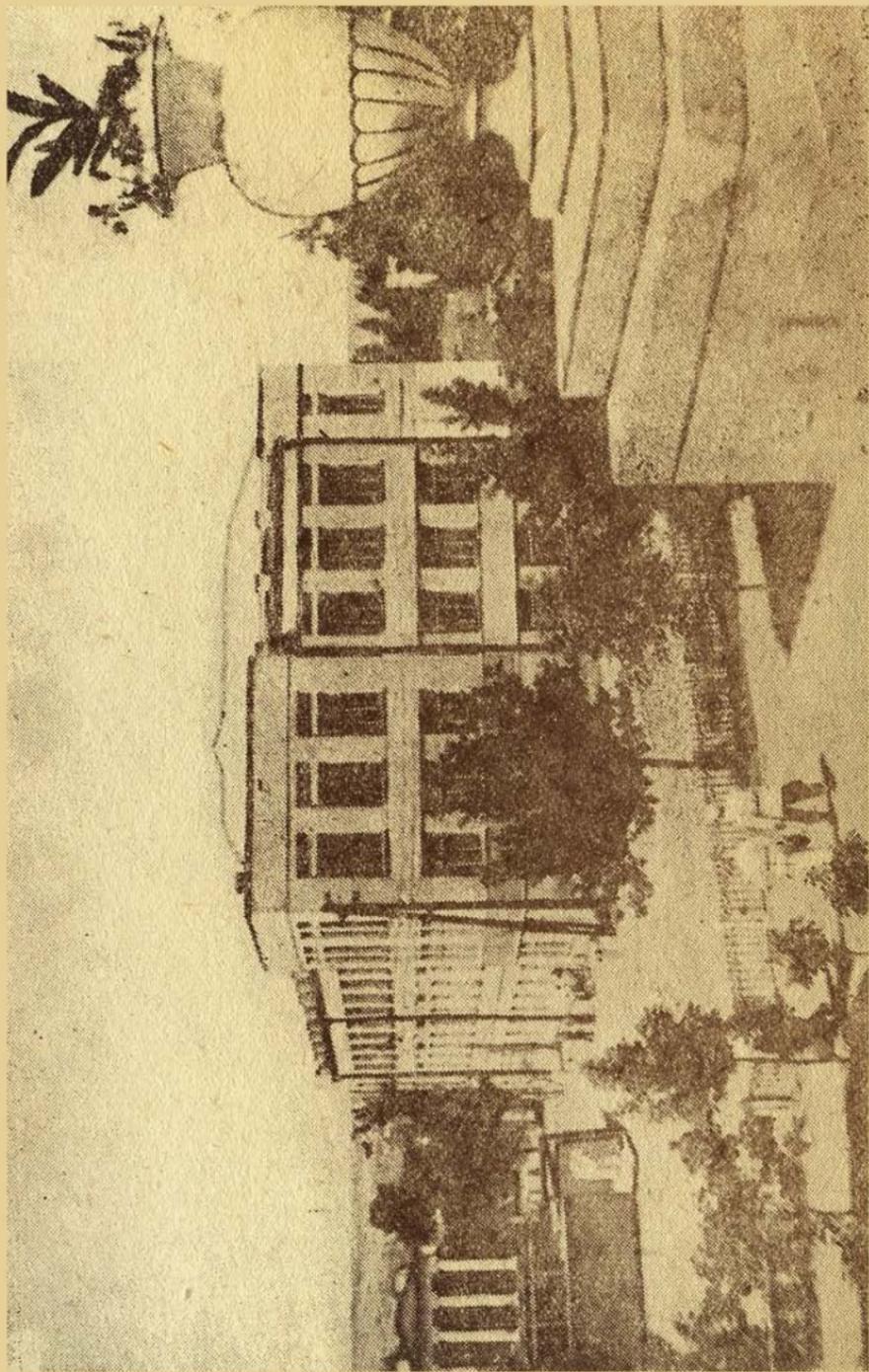
Горы—вершины и т. д.

Товарищ Ворошилов
По фронту проскакал,
—Ребята, не робейте!—
Он громко прокричал.

П р и п е в.

Горы—вершины и т. д.

Школа № 2 на площади Революции.

С Т И Х И
О ВОРОШИЛОВГРАДЕ

II

Песня о Ворошиловграде

ГОРДЫЙ город отваги и славы.
Этой славе не меркнуть века...
Имя Клина ты носишь по праву—
Ворошилова. Большевика.

Кто железною хваткой и силой
Брал за горло кадетов в боях?
По Донбассу от Острой могилы
Подавалась команда твоя.

Загремели на „Громе“ матросы.
Заревели тревожно гудки...
Шел шахтер и разутый и босый,
Принимая кадетов в штыки.

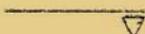
Слесарь знает секрет пулемета,
Стеклодувы—как пушку продуть,
Токарь вывел литейщиков роты,
Перестраивая на ходу.

И дрались мы, и учились,
Закалялись в бесстрашном бою,
Чтобы наши враги получили
От Донбасса погибель свою.

В каждом цехе и каждой бригаде
Этой песне победно звучать,
О родном Ворошиловграде,
О героической борьбе луганчан.

Запоют и мартены, и домны,
Зазвенит, как привет рудников,
Чтоб услышал о дружбе огромной
Наш любимый рабочий нарком.

Гордый город отваги и славы,
Этой славе не меркнуть века...
Имя Клима ты носишь по праву—
Ворошилова. Большевика.

Луганська бойова

ЧЕРЕЗ ліс і через гори
На радянське на добро
Пробрався клятий ворог—
Білий наймит пан Шкуро.

Ми такого дожидали,
Відтоді з усіх кінців
І назустріч надсилали
Загартованих бійців.

Теплі спомини укрили
Наших друзів, що лягли
Коло Гострої могили,
Де героями були.

Тільки слава партизанська
Не згасає з давнини.
Ми—Червоного Луганська
Ворошиловські сини.

Хай тепер полізе ворог—
Ми на варті стоїмо.
Не здамо наш рідний город,
Свого краю не здамо.

Ми давно уже рішили
Не здаватися ніде.
Сам товариш Ворошилов
Нас в атаку поведе.

Спомин

Е вперше, не вдруге, не втретє
У пам'яті знову встає,
Немов на простому портреті,
Дитинство недобре моє.

Мене у поході гойдала
Не мати, сумна і стара.
Ровесників наших стрічала
Боями дитяча пора.

Тоді, як-то кажуть, зелений
Я мало чого розумів,
Коли за порепані клени
На страту вели юнаків.

Та згодом навчився потроху
Взнавати життя і пісні.
...Було це двадцятого року,
Як спомин говорить мені.

Чи знаєте ви океани?—
Спитав посивілий матрос.
—Це значить холодні тумани
І ще холодніший мороз.

Та тільки пригадана дата
Зустріла мене гаряче—
Рука бойового Кронштадта
Лягла на подерте плече.

Покинувши страх і утому,
І мати—усе водночас,
Не вперше мені, молодому,
Приймати почесний наказ.

І нам говорили одверто:
—Можливо, у цьому бою
Усім доведеться померти
За долю майбутню свою.

Ніщо не лякало хоробрих—
Ні кулі, ні грім канонад.
Наказа ми вивчили добре:
Попереду є Петроград.

Я вийшов з останнього бою,
Залишивши руку одну
І взявши в дорогу з собою
На спомин оцю сивину.

І другий сказав: — Океани
Не бачив я, друже-матрос.
Я знаю холодні тумани
І ще холодніший мороз.

Та тільки пригадана дата
Зустріла мене гаряче—
Рука бойового солдата
Лягла на подерте плече.

Зустрілися ми у Луганську.
Де з ним працювали колись.
Ми клятву дали партизанську—
Й порепані губи зішлись.

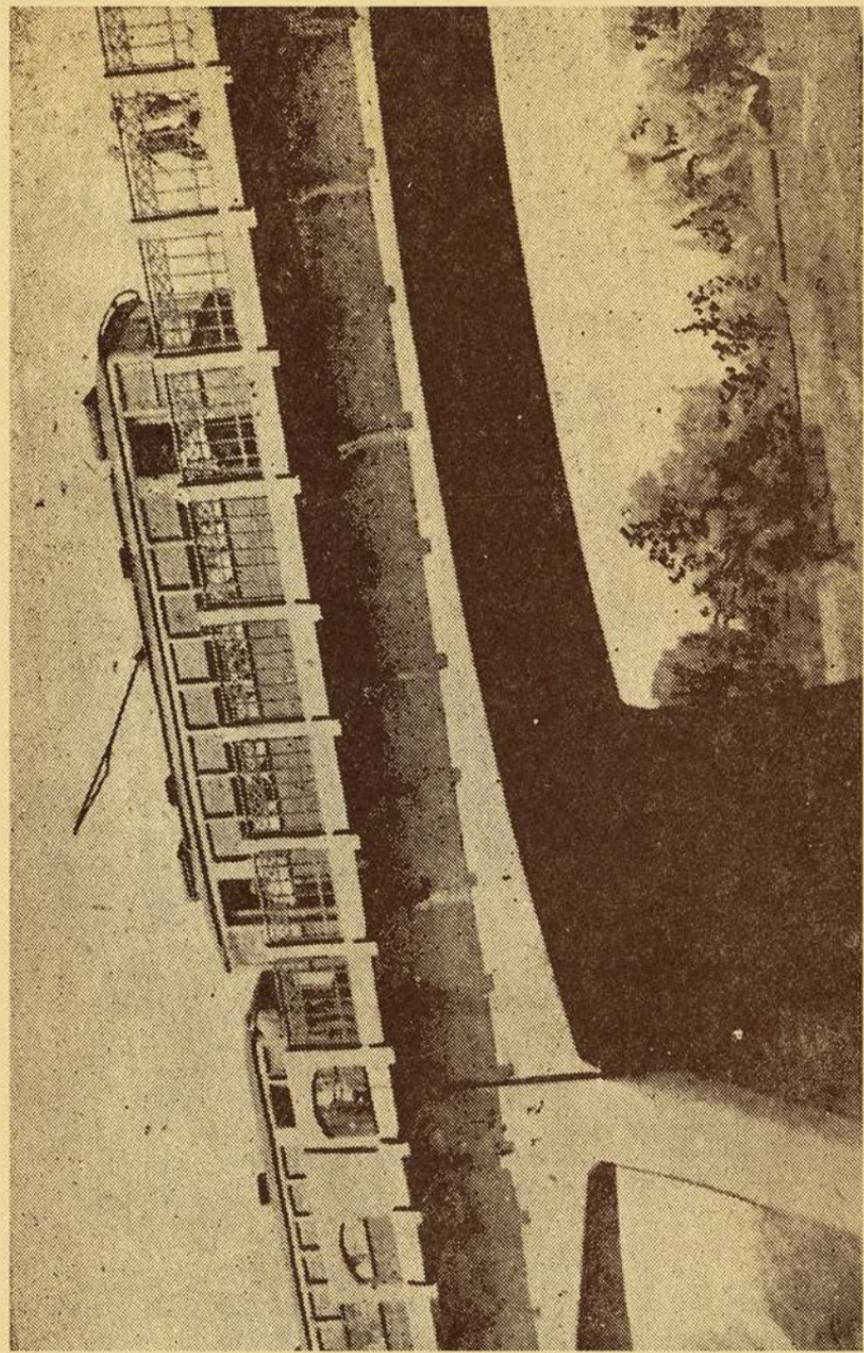
Отак воювати рішили:
Помрем у жорстокім бою,
Нехай нас веде Ворошилов
На славу дорогу свою.

Розмова кінчалась потроху
В тривожній нічній тишині.
Було це двадцятого року,
Як спомин говорить мені.

Тоді, як-то кажуть, зелений
Я мало чого розумів.
Та знав: за порепані клени
На страту вели ворогів.

Відома одна тільки дата,
Яку пригадаєм в бою.
Луганці й матроси з Кронштадта—
Разом за країну свою.

Новый мост через реку Луганку.

Відповідь

А що я люблю своє місто?
Запитання справді складне.
Проте піднімається пісня
І хоче сказати одне:

За те я люблю своє місто,
Що в ньому з дитинства живу.
Я з раннього—рання в колисці
І сни тут сприймав наяву.

О місто моє! За минулим,
Що знає чимало утрат,
Приходить, не стрінутий дулом,
Початок легенд і балад.

Століття і війни крошили
Знайомі і рідні місця.
І знає тебе Ворошилов,
Як першого друга—бійця.

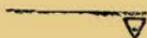
За те я люблю своє місто,
Що разом із ним виростав.
Давно вже відомі нам, звісно,
Всі запахи квітів і трав.

Від скверу міського до саду,
Де Пушкінська вулиця є,
Проноситься перша балада
Про серце гаряче твоє.

Нам добре відома дорога
В негоду й нічну темноту.
До дома „Швидка допомога“
Я, очі закривши, дійду.

За те я люблю своє місто,
Що в ньому я вперше любив,
І перша написана пісня
Була на луганський мотив.

За те я люблю своє місто,
Що з нього, як зорі ясні,
Виходять чудового змісту
Престі партизанські сини.

На могилу Пархоменко

УЛЯ засвистала по окружью
И засела в пятое ребро...
На его бряцающем оружье
Блещет именное серебро.

Мы его похоронили летом.
Музыка железная плыла.
На краю холодного лафета
Грозная материя легла.

...Дремлют наши кони боевые.
Встань, начальник, и проверь в ночи:
Так ли ходят наши часовые,
Так ли трубят наши трубачи?

Сапоги не стоптаны в походах.
Сабли не переедает ржа.
Образца семнадцатого года
Ружья неостывшие лежат.

Там стоит тополя золотая.
Там сверчки стучатся, как часы.
Там цветы, как бабочки, летают,
Бьются колокольчики росы...

Но когда запахнет дымным боем,
Твой портрет в подсумок положу,
Встану я, воспитанный тобою,
Накрест портупею положу...

И пройдем сверкающим отрядом
Мимо ветра, грома и беды...
Все ребята Ворошиловграда
Именем Пархоменко горды.

Ворошиловград

Николаю Упенику—другу

Тот город, где мы плакали впервые,
Друзья, нам никогда не позабыть,
Где скрещивались звезды боевые,
Где буйствовали шумные дубы.

Тот город, где скончалось детство наше,
Знакомый от угла и до угла.
Где девушка, далекая Наташа,
Слагала песни и венки вила.

Все, чем встречает вечер на привале—
Брожение трав, печальный дым земли,
Все, что мы пели и не допевали,
В венки сплетали и не доплели.

Но я клянусь: куда меня ни бросит,
Я буду помнить окна и ручьи,
И дворики, и городскую осень,
И каменные улочки твои.

И легкий флаг над домом горсовета,
И желтые трамвайные огни,
И старую луганскую газету,
И встречи те, что навек сохранил.

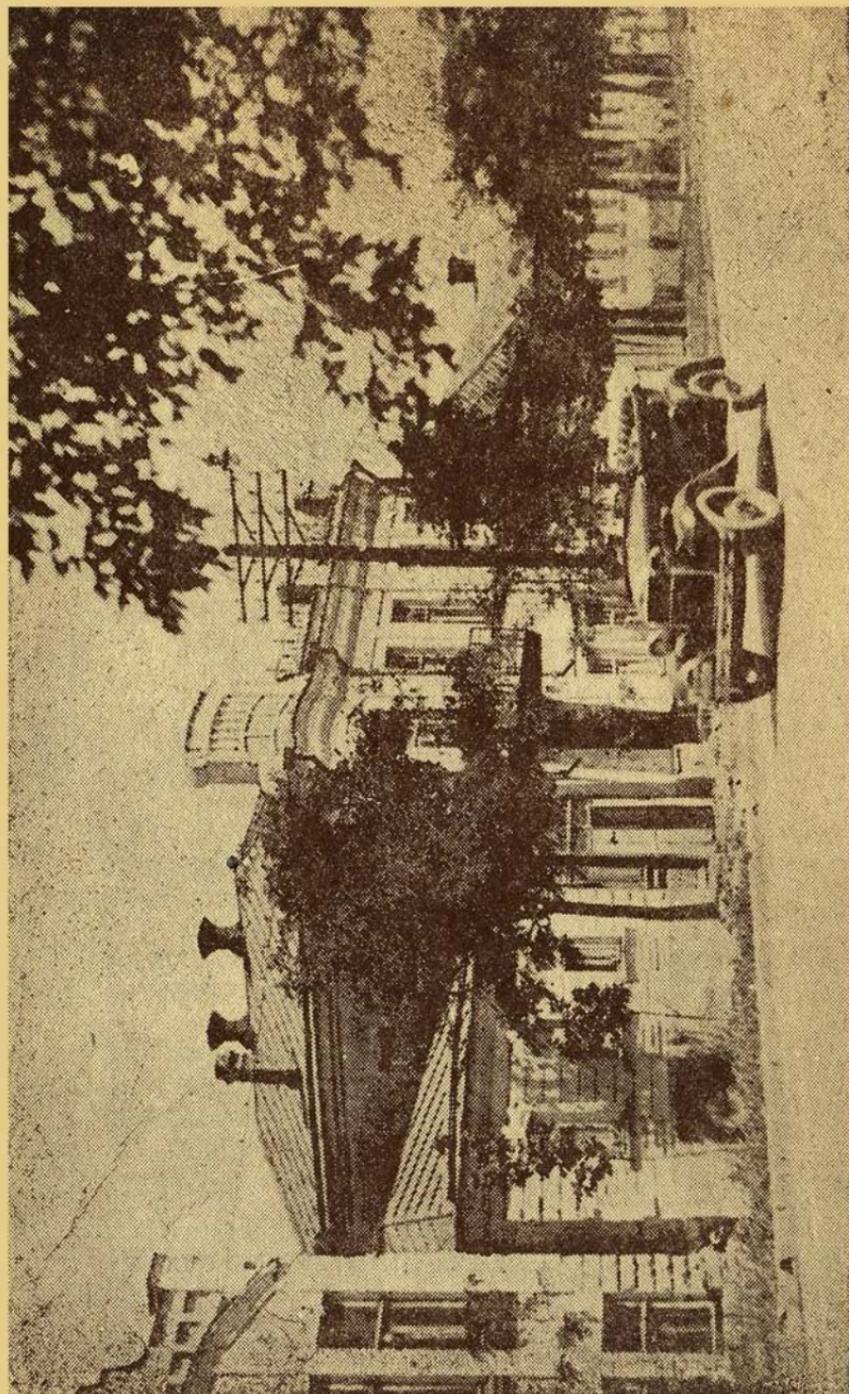
Тот мир, который мы познали сами
По признакам, по отпечаткам следов.
О город, весь опетый голосами
Стремительных донбасских поездов.

Но я вернусь. Пройдет туман над краем.
Мы встретимся на маленьком мосту.
Я города, наверно, не узнаю,
Наверное, деревья подрастут.

Сентябрьское небо потемнеет,
Трамвай по нашей улице пройдет,
Наверно, мать немного постареет,
И яблоне минет четвертый год.

Те улицы, те зори боевые,
И дым от остывающей земли,
Тот город, где мы плакали впервые,
Где мы с тобой, счастливые, росли.

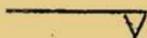
Улица имени Ворошнлова.

П а м я т ь

ЕСТЬ город дальний на земле моей,
Как детские предания знакомый,
Он петь меня учил, он мне давал друзей,
Он назван славным именем наркома.
Есть в городе том камень. Он как память
Прост и суров. У ног растет трава...
В живой гранит искусными резцами
Там врезаны глубокие слова.
И ты услышишь будто снова рядом
Идут полки, гудит холодный лес.
И в землю зарываются снаряды,
Фонтаны поднимая до небес;
Как дым летит, как травы догорают,
Как тучи разрывает на куски.
Как луганчане в битве умирают,
Раскрыв глаза и стиснув кулаки.
...Вот ты уснул, вот тихо звезды дремлют.
И я готов, и я готов опять
Твою соленую, твою родную землю,
Единственную землю целовать.
Мои открытки, письма заказные
И маленькие строки телеграмм
Дойдут к тебе, в твои края родные
По кратким и неточным адресам.
Есть город дальний, он приснился мне
Любимой улицей, забытой переправой.
И земляки мои идут по всей стране,
Крещенные одной почетной славой.
Он петь меня учил, он мне давал друзей,
Он назван славным именем наркома.

Есть город дальний на земле моей,
Как детские предания знакомый.

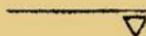
Переключка

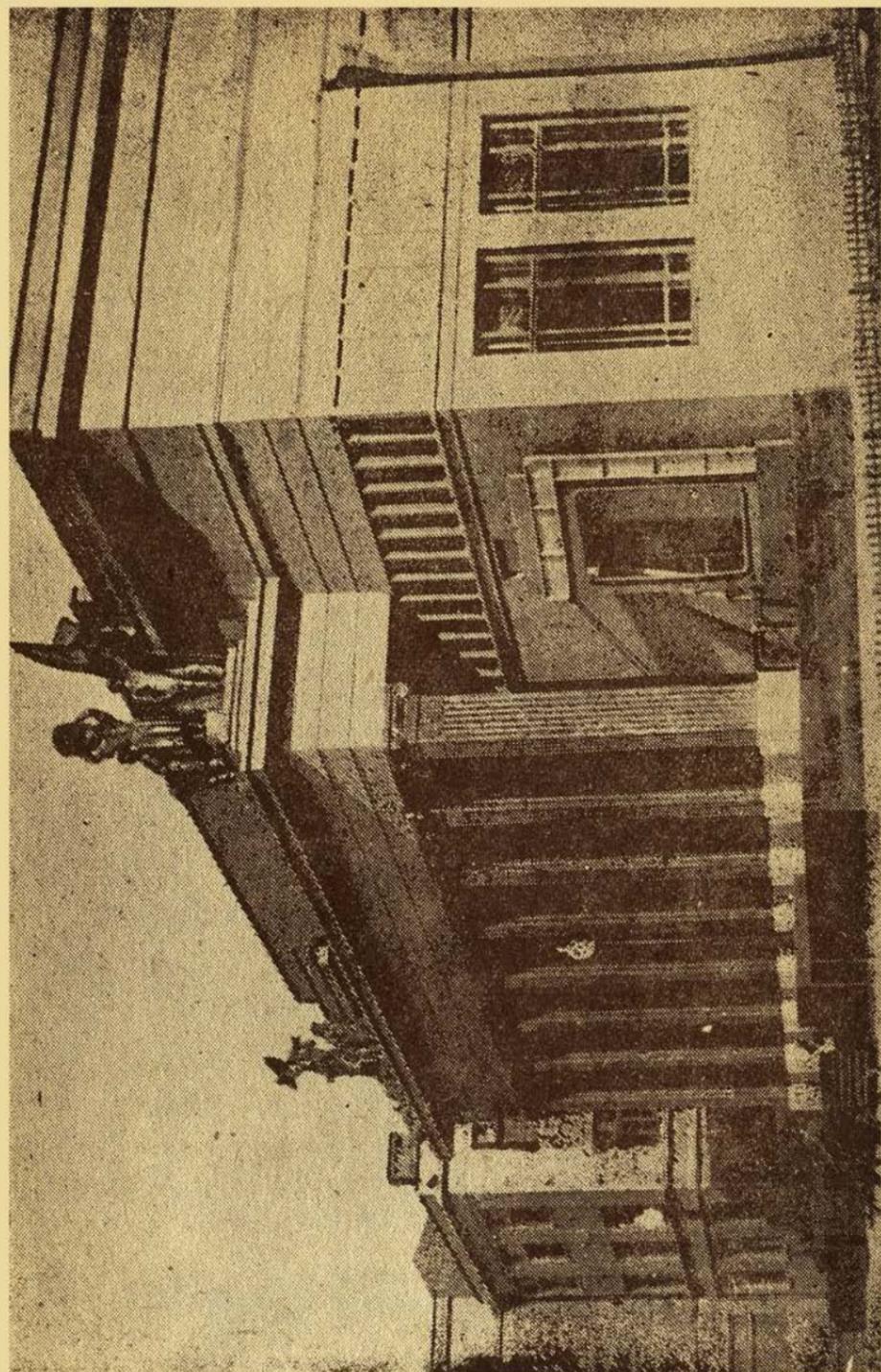

И снова Гусиновка...
Тише, темней
Глухих стариков неизменное логово,
Но вы не ворвались оравой ко мне,
Товарищи детства моего
Босоногого.
Проходят ветры, приподняв паруса,
Проходят—
Да только они вам не спутники.
Я точные ваши нашел адреса—
Пролеты заводов
И дальние рудники.
И вот узнаю, что состуканы в такт
Завода и юности
пульсы здоровые,
Что буйство проходит
Сквозь наши лета,
Как соки сквозь дерево,
током сквозь провод.
Еще в пленках мы рвались, оратели,
Устой седой тишины потрясать.
Над нами избитые жизнью матери
Склоняли дремотные голоса:
—Надо быть... ихоньким,
надо быть... аинькой.
Тише—спокойней,
Смирнее—верней.

Спите, горланы,
...аюшки—баиньки...
А мы не хотели тишеть и смирнеть.
И после—
 оборванники, беспоясники,
В глазах разжигая наследную злость,
Лупили
 чистеньких первоклассников:
Чумазая шатия—
 черная кость...
Мы, не простясь,
 расшагались по свету..
И я на Гусиновке снова теперь...
Ленька!
 Я прочитал в газетах
О новой домне
 и о тебе.
Ты, кажется, бросил длиннейшие вирши,
Где рифмовались
 „ура“ и „пора“,
Нинка Чеканова—бригадиршей,
Она перестраивает Урал.
А Митьку,
 водителя детских затей,
Смешливого парня,
 горячего парня,—
А Митьку
 —сволочи—
 в темноте,
В далеком селе,
 на посевкампании...
И, плечи раскрыв над покоем седым,
Я тоже покинул горбатое здание
(Четыре стены,
 как четыре судьи,
Мрачнеют,
 и нет для меня оправдания).
Я был средь вас
 —помните?—
 тих и задумчив,
Следил за мохнатой звездой
 и за тучей.
Но время взяло меня в оборот,

Поставило наземь,
на крепкую землю,
Вперед повело
и дало перо,
Чтоб стал запевалой
среди друзей моих.
В глухие часы петухов и стихов—
Проулки пустеют,
хозяйки в постелях—
Я звонкие песни пишу для цехов
Чугунолитейных
и меднокотельных.
Сейчас на окраине мглисто и пусто,
Но многое видится издалека.
Я счастлив, что он не слабеет, накал
Током гудящего нашего буйства.
Работа, ребята, у нас одна,
И мы соберемся
не раз и не два еще,
А цифрами домен и комбинатов
Мы будем вести переключку,
товарищи!

Кино — театр „Октябрь“.

Возвращение

ДЫМОК растаял. Пригород встает.

И камень, и закатные растенья,
И стих, и сердце гулкое мое
Охватывает трепет возвращенья.
И можно снова, обогнув забор,
Шагать по Николаевской и слушать
Булыжника знакомый разговор,
Журчание орешника и груши,
И останавливаться у домов,
Раскиданных дорог не узнавая.
Шумит листва.

Здесь не было садов.

Летят звонки.

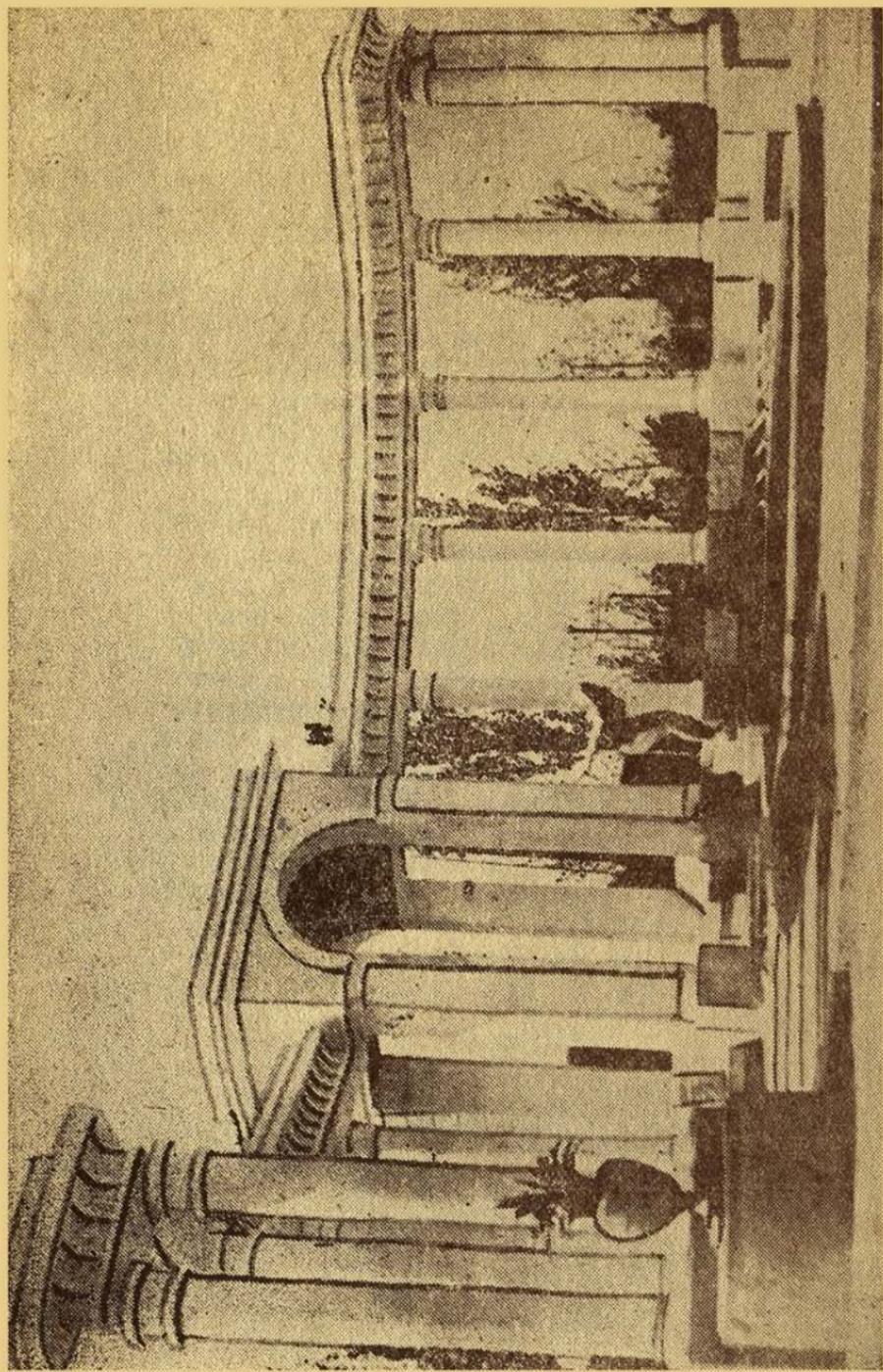
Здесь не было трамвая.

Шагать и удивляться, и глазасть
На встречных, и отыскивать, по скрытым
Приметам сердца, выросших друзей,
Широких, возмужалых и забытых.
Они, как прежде, дружат и поют
И только строже бронзовые лица,
Они проходят и не узнают—
И я успел, наверно, измениться.
Почти что пробежать по мостовой
Проулками—волнуясь—по Заречной,
И улицею детства моего—
Вот здесь она. Да нет же. Здесь, конечно.
Да нет же здесь кончается жара,
Сквозным закатом ясени расшиты,
Здесь яворов зеленая игра.
Так где же эта улица, скажите,
Где отзвук детства, кажется, сквозит,
Еще мелькает пятками у окон,
Еще стучит копытцем дерезы
И кружится сорокой-белобокой.
Где в рыжий зной, на выжженной земле,
Непроходимым пламенем залитой,

Я находил траву и тяжелел
От лихорадки первого открытья.
Дрожали у ветров на поводу
Горбатые и дымные хибарки...
А тут шумят и в сумерки бредут
Древья неожиданного парка
Но где же эта улица, квартал
Бездомных кошек, сумрачный, отпетый,
Где я когда-то музыку узнал,
Заучивая имя—Лизавета?
А девушка? Где песенка ее?
И руки, и веселое дыханье,
И теплый голос—он еще поет,
Еще во мне звучит не затихая,
Еще звучит: „Вот радость. Не ждала...“
Она смеется, светлая такая..
И я бегу, и я у самых глаз
—„Ну, здравствуй, Лизавета...“ И смолкаю.
Передо мной лицо ее плывет
(И тишина в ее глазах зеленых),
И отблеск материнства, и живот,
В котором шевелится и живет,
Растет уже и движется ребенок.
И тесно мне становится от слов
Удушливых, обидных и горячих.
Ну что же. Все понятно. Все прошло.
Довольно. Все понятно. Я не мальчик.
А я хотел рассказывать, как жил,
Как вспоминал, тянулся и томился.
И я угрюмо говорю: „Скажи,
Как мне пройти на Звановку. Я сбился...
Пропахшая корою тишина,
Под сердце подступающая мята.
„Да ты не сбился,—говорит она,—
Здесь и стояла Звановка когда-то.
Ее снесли. И сумрак, и туман
Вот, разве, только в памяти хранится.
У нас теперь высокие дома
В селении за Белою Криницей.
В прямые наши здания течет
Зеленый ветер и втекают дали.
Мы только новоселы, мы еще
Ни смерти, ни рождений не видали.

Еще не пели, молодость кляня,
Не пили с горя, не копили денег.
Здесь должен сын родиться у меня—
И это будет первое рожденье.
Как детство наше встретили в ножи
Нужда и злость и Звановка седая,
Но вот он не рожден еще, а жизнь
Уже его с любовью ожидает.
На первый крик откликнутся в саду
Смешные птицы, родники и листья.
И, усмехаясь, в комнату войдут
Седые мастера и машинисты.
Они к шагам, похожим на полет,
Его приучат и начнут с волнением
Следить—какие песни он поет,
Как в нем растет и зреет откровенье.
И молодость откроется ему
Неувядающей и голубою..“
И я стою в густеющем дыму
Перед твоей высокою любовью.
Ведь я тебя такую не знавал...
Любимая, мне горестно и больно.
И я забыл суровые слова
И не ищу... К чему они? Довольно...
Я наклоняю голову свою
К ее плечам, опущенным и прежним,
И, может быть, впервые узнаю,
Какой она бывает сильной, нежность.
Да, чорт возьми, мы сдержанней камней,
А здесь и воздух не сентиментален,
Откуда б взяться нежности во мне,
Которой нас нигде не обучали.
Но мы идем. И я ее веду
По листьям тихо. Чтоб не оступиться.
По травам. У деревьев на виду.
К селению на Белую Криницу.
И сумерки выходят на мосты.
И, вырываясь желтыми птенцами,
Бросаются огни из темноты,
Слетаются и кружатся над нами.

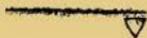

Парк культуры и отдыха. Колонная беседка.

Вечерняя смена

Ты рукавом откинешь прядь волос.
Гудок вздохнул и лег обвалом звуков,
А кран другую девушку унес.
И юноша протягивает руку.
Он под руку берет, как друг.
Он даже,
Пожалуй, больше друга. И ведет,
И говорит. Он все тебе расскажет
И, если хочешь, песню пропоет.
Но слов ему хороших нехватает
Горячие, а, между тем, не те.
И фонари, как луны, проплывают,
Подвешенные прямо к темноте.
И мост звучит, когда легко, но твердо
Идете вы. Внизу звенит вода,
И провода настроены аккордом,
И можно заиграть на проводах.
И все поет—и соловьи, и лето,
И облака летят, как синий дым.
Уходит мост невиданной планетой—
И двадцать лун вращается над ним.

Весенний рейс

БЫЛ рассвет слегка рассеян,
На росу свой свет рассеяв,
Сквозь листву пробравшись ниткой,
Освещая каждый лист,
Первые лучи светили,
Намекая о светилах.
Открывал тогда калитку
Паровозный машинист.

У ворот его—цветенье
Фиолетовой сирени,
Он нарвал ее, букетом
Он понес ее с собой.
Сквозь туман заря метала
Шар горящего металла,
И туман в огнях рассвета
Отступал, не приняв бой.

Он идет. В руках цветенье
Фиолетовой сирени.
По песку, земле и глине
Переменчивой тропой,
Где ложатся тени косо
По высокому откосу,
Мимо станционных линий—
К паровозному депо.

В двери пар летит весенний,
Уходящей ночи тени
По углам текут низами.
Невелик и простоват,
В тишине готовясь к рейсу,
Паровоз стоит на рельсах
И на мир глядит глазами,
В каждом—лампы по сто уатт.

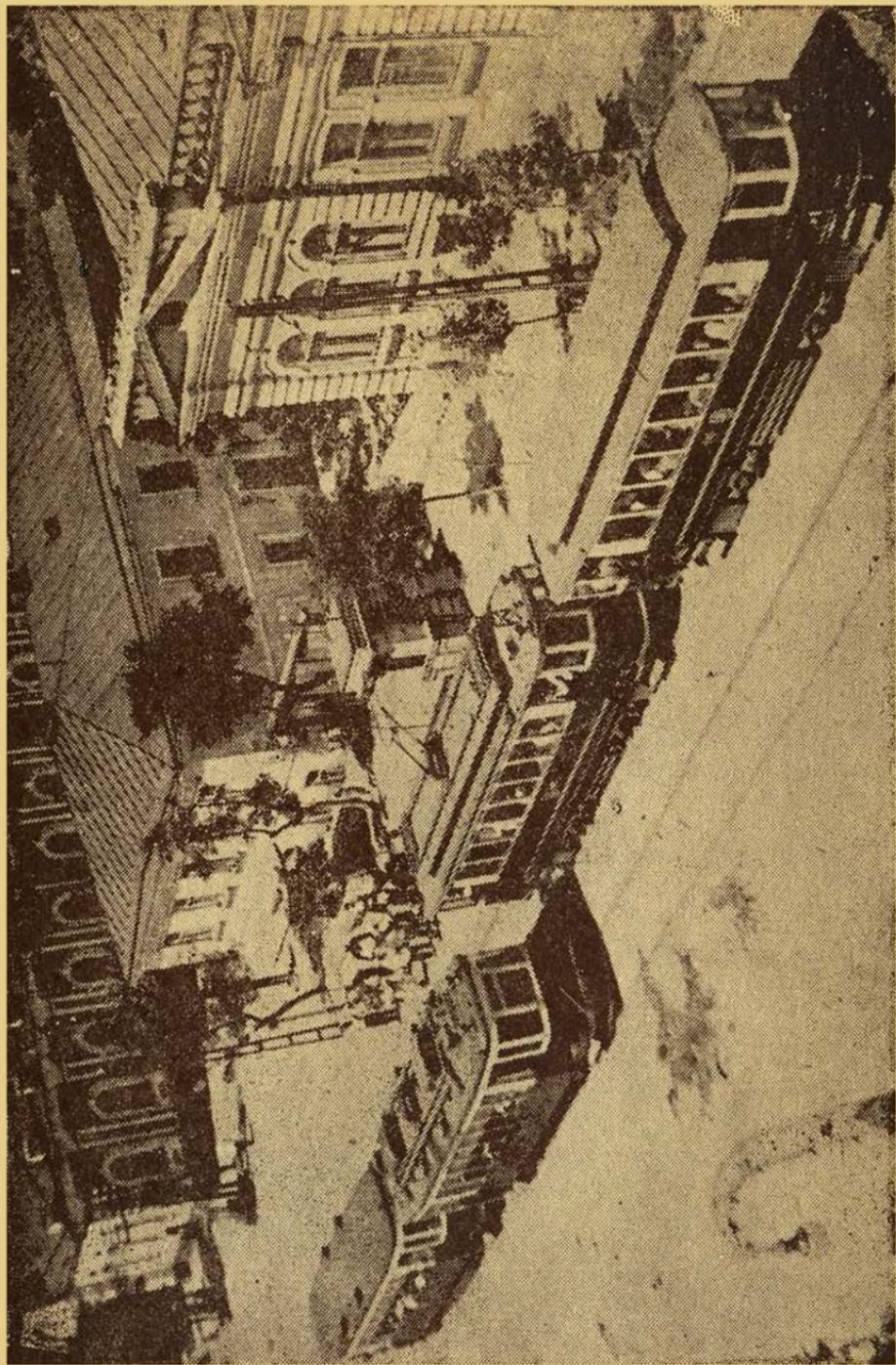
Двери настезь им откроют.
Фонари поднимут брови
И потухнут у вокзала,
Где давно уже светло.
И уже у переправы
Тень бегущего состава
По воде дрожа бежала,
По воде мела метлой.

Сбоку мост. Он словно вышит.
Пар летит все выше, выше,
Вот уж он проходит мимо,
Превратившись в облака.
В перешептыванье дышел
Паровоз спокойно дышит,
Обмахнувши легким паром
Маслянистые бока.

Провода уходят в танце,
И свистки у дальних станций,
Где тебя пропустит сразу,
Не вступая в долгий спор—
По желанью человека
От рождения калека,
Однорукий, одноглазый,
Одноногий семафор.

Паровоз летит в цветенье
Фиолетовой сирени,
Пар цилиндры, не вмещая,
Выпускают на откос,
И летят по перегону
Двадцать пять больших вагонов,
Пятьдесят осей вращают
Сто сверкающих колес.

Улица имени Шевченко.

АЛЕКСАНДР КРАВЦОВ.

Г о р о д

Ад тобой, встречаясь, смерчи выли,
Дым клубился и огонь не гас,
Пулями прострелянный навывлет,
Вздыбленный знаменами Луганск.

Как в дыму ломились полустанки,
Как взрывались бомбы и мосты,
Нам навстречу девушки-крестьянки,
Выносили порох и цветы.

Матери прощались с сыновьями,
Сыновья садились на коней,
Звонко шашки выплеснув ручьями,
Занося над юностью своей.

Пусть глаза пургою порошило,
Пусть кружился вихрь над головой,
Нас водил товарищ Ворошилов
В смертный час,
в последний грозный бой.

...Вот над нашей улицей и домом
Звезды и кустарники дымка
Замирают в паровозном громе
И при каждом выкрике свистка.

Воспеваю все, что не остынет,
Что зовет и будит каждый час.
Город мой, прострелянный навывлет.
Вздыбленный знаменами Луганск.

Острая могила

МОЛОДОСТЬ певучая моя,
Ты свежа, как утренние воды,
Ты сядила вихрем на коня,
Ты летала в дальние походы—
И качалась под тобой земля.

Жирные склонялися цветы,
Сабля радугой сверкала под ветрами.
У Донца, где выгнуты мосты,
Ты водою полоскала раны.

Вылетала из стальных стволов
Яростная, огненная вьюга.
Ты прошла, невзгоды поборов,
На полях твоя горела кровь,
Ты прошла от Севера до Юга.

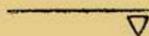
Спят твои товарищи давно.
Смерть над ними крылья заломила.
И глядит, глядит в мое окно
Острая Луганская Могила.

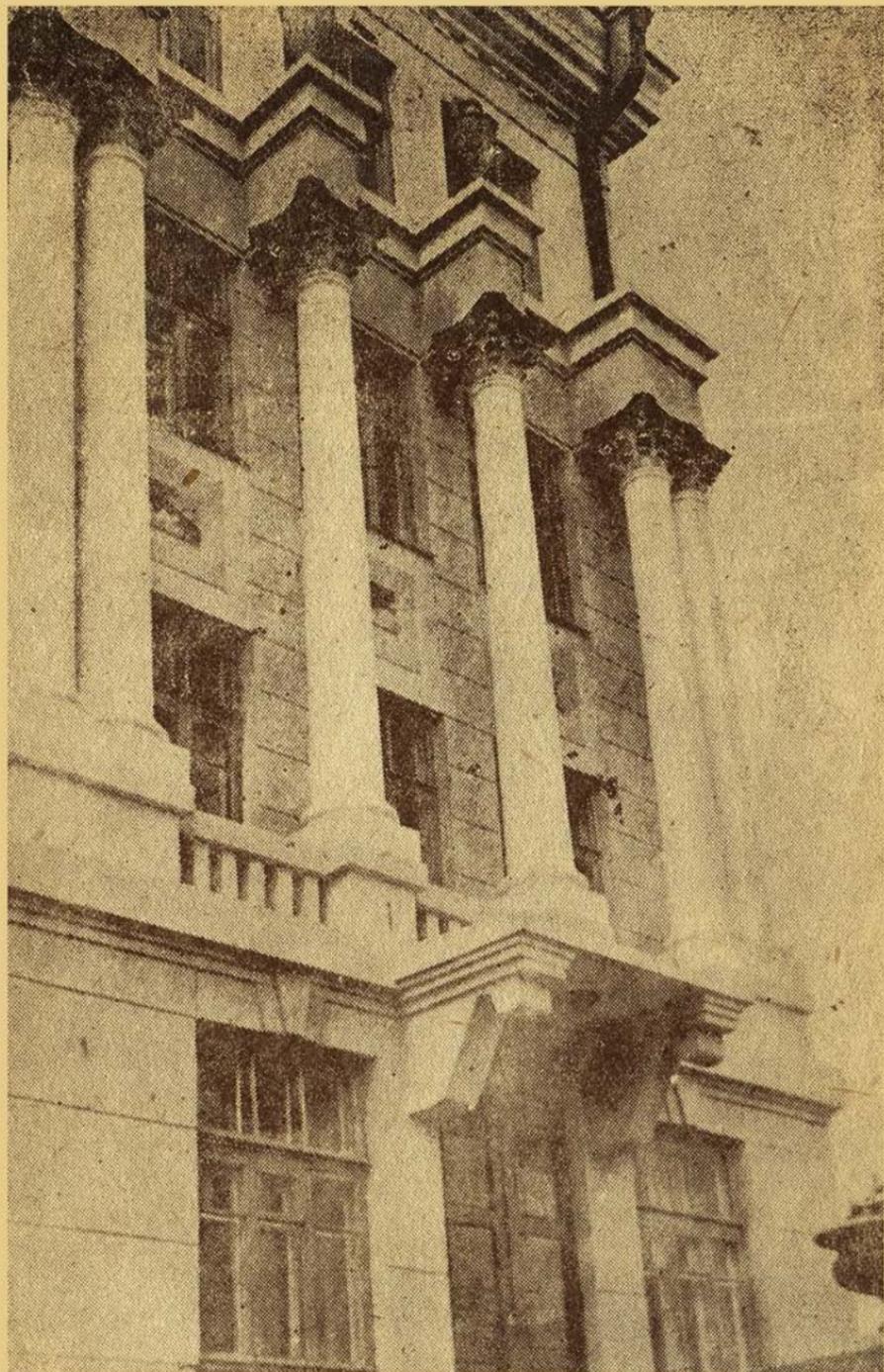
Но во славу им поют гудки,
Грозные проходят паровозы,
Двигутся шеренгами полки,
И в садах не потухают розы.

Но восходит песнь во славу им
Громкая, высокая, крутая.
Вот она выходит, нарастая,
Озаренная борьбой, простая,
Ходит по товарищам моим.

Пусть мое раздроблено плечо,
Кровь моя огнем кружит по жилам.
Я стою—и ветер горячо
Бьет в лицо и падает со щек.
Я стою у жаркого горнила.

Сталь звенит в нагреве добела,
Льются волны яркого металла...
Я хочу, чтоб песнь, как флаг взлетала
И как наша молодость цвела.

Школа на городке завода им. „Октябрьской Революции“.

Ворошиловград

ИСТЬЯМ червоним с дуба лететь
Под свежим донецким ветром.
Осень. И вновь просыпается медь,
Певучая медь оркестров.
Город праздничный. Я узнаю
В городе этом радость.
Слава встает. Звезды встают
Над Ворошиловградом.
Но мне в горловом гуденье ветров,
В скрипении краснотала—
Мне не узнать этих новых домов,
Просторной мощи кварталов.
Легко и зримо, как мост,
Безудержно и неуклонно,
Они развернули свой рост
У Кировского района.
А в городе осень. Прозрачный дым.
Желтые тучи стынут.
На деревьях вызревают плоды
И падают на суглинок.
Дикие птицы кочуют на юг,
Плывут, плывут караваны.
И насыщает песню мою
Душистая крепь шафрана.
Тянет осенним, поздним теплом
Сквозь водопад медовый.
И одевается в кровь и плоть
Медленной песни слово.
Город праздничный, я узнаю,
Как дорога эта радость.
Осень встает. Звезды встают
Над Ворошиловградом.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

1. Песня бронепоезда Ворошилова	11
2. Гром	15
3. Партизанская песня	16
4. Частушки о гражданской войне	19
5. Ворошиловская	21
6. Песня о Ворошиловграде—Павел Беспощадный	27
7. Луганська бойова—М. Упеник	29
8. Спомин	30
9. Відповідь	35
10. На могилу Пархоменко—Мих. Матусовский .	37
11. Ворошиловград	38
12. Память	43
13. Переключка—Ю. Черкасский	44
14. Возвращение	49
15. Вечерняя смена—Л. Галкин	55
16. Весенний рейс	56
17. Город—Александр Кравцов	61
18. Острая могила	62
19. Ворошиловград—В. Автономов	67

ЦЕНА 1 р. 25 к

36-4734